

Это одна из последних статей Максима Ершова, присланная в редакцию журнала. Светлая память нашему автору и другу!

МАКСИМ ЕРШОВ

ПЁТР ТОЛОЧКО. “УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ”

Теперь, на седьмом году украинского кризиса, тема его (в том виде, в каком она была одним из основных двигателей всевозможных политических ток-шоу) стала несколько увядать. Может быть, она навязла в зубах и набила оскомину в речевом аппарате общественного сознания. Стало понятно, что нам скорее удастся поломать кубик-рубик “украинского вопроса”, чем собрать хотя бы половину его сторон. Прибегая к ещё одной метафоре, можно сказать, что всё это время наша общественность, по-видимому, исполненная самых добрых побуждений, пыталась судить об истоках, течениях, глубинных обитателях украинского “пруда” по движению ряски на поверхности, по шуму в его камышах, а равно по лягушачьему концерту, от которого содрогаются звёзды...

Может быть, именно теперь пришло время для разбора “украинского вопроса” по его запутанному существу. И при первой же попытке сделать это мы должны обратиться, да, к истории. Тем более, наконец, что вот и сами современные историки обращаются к нам. Среди них, может быть, наиболее маститый и вместе с тем наиболее объективный — Пётр Петрович Толочко, украинский историк и археолог, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук, Почётный доктор СПбГУП. В историко-публицистических очерках сборника “Украина между Россией и Западом” он высказывается о содержании узловых аспектов “украинского вопроса”: о происхождении древнего русского государства, последствиях ордынского владычества, церковной унии 1596 года, восстании под предводительством Хмельницкого и воссоединении с Россией, бандеровском нацизме, наследии советской эпохи и современных “исторических”, а по сути, идеологических спорах.

Книга издана Санкт-Петербургским университетом профсоюзов в серии “Почётные доктора университета” в Санкт-Петербурге в 2018 году. Красивый и увесистый том на мелованной бумаге имеет небольшой тираж в 500 экземпляров. Это, конечно, не соответствует его научной ценности и значению. “Украинский вопрос” требует понимания гораздо более глубокого, чем то, которым располагают граждане Украины и России. Важность вопроса в последние годы стала понятна всем. Думается, современная повестка по умолчанию подразумевает и важность ответа. Пётр Толочко — один из немногих, кто постарался его дать, поэтому обращение к его книге в чём-то неизбежно. Не претендуя на исчерпывающее историческое “разбирательство” (рассмотрение “украинского вопроса” в его полноте остаётся за будущим),

постараемся прочесть некоторые очерки украинского академика, по необходимости передавая его материал своими словами и сопровождая небольшим умеренным комментарием.

Итак, “Откуда пошла Русская Земля”? К вопросу о предыстории и истории зарождения русского государства на территориях, занятых племенами восточных славян и (на севере и северо-востоке будущей Киевской Руси) племенами финского корня, Толочко обращается в одноимённой лекции и других очерках и интервью, помещённых в сборнике. При этом украинский академик — противник теории норманнского происхождения русской государственной жизни. По его мнению, достаточно развитая социальная жизнь у восточнославянских племён, начиная с VI–VII веков, уже была данностью. Были и свои князья, хотя история сохранила мало их имён. Варяги же — эти общеевропейские завоеватели тех времён — на Русь приходили и ранее, но в IX веке были званы именно как иностранная *династия*. Иностранцы на троне — это норма для многих стран средневековой Европы, для всех её наиболее развитых стран. Норманнские династии заняли престолы во Франкском королевстве при его образовании, в Англии после 1066 года, в некоторых областях Италии, в Испании. Словом, германцы — к которым принадлежали и норманны, и даны, и англты, и саксы, и, наконец, варяги, — правили везде. Правда, что касается Руси, есть одно “но”. “Наши” варяги “зовомые Русью” (как говорит о них летопись), по-видимому, пришли из южной Балтики. А в этом ареале — в Северной Померании и в северной Германии вообще — по сей день находятся характерные топонимы, — города Петров, Бартов, Буров. Реки Трава и Свентина. “И город Старигард, — говорит Толочко, — ... это центр славянского племени ободритов, бодричей или вагров. Поэтому славянский мир выходил в северную Прибалтику”. Был в тех краях и город Рёрик. . .

Почему же варяги эти “зовомые Русью”? Ведь Толочко считает, что слово “Русь”, вероятнее всего, — иранского происхождения, оно южное, и первыми это имя приняли поляне в Киеве. А “звали Русь” — жители севера, словене, кривичи, чудь. . . Поэтому, если смотреть “из Киева”, нам предстаёт историческая картина, русско-советскому взгляду не совсем привычная.

Пётр Толочко склоняется к тому, что традиция государственности на Руси началась не в 862 году и не в Новгороде, поскольку уже в 860 году (дата эта вытекает из критического анализа источников) состоялся первый поход Руси на Царьград, и начало своё этот поход имел в Киеве. Призвание же Рюрика стало отправной точкой объединения севера и юга будущей Древней Руси. Столицами этого объединения стали и Новгород, и Киев — два важнейших пункта на пути “из варяг в греки”, торгового пути, который, как известно, стал определяющим экономическим фактором образования политической структуры на прилегающей к нему территории. Рассуждая о славянских истоках русской государственности, Толочко (вслед за своим старшим коллегой Б. А. Рыбаковым) опирается на сильный довод в этом старом споре вокруг норманистской теории: “Что касается варягов, то спорить здесь не о чем. Они никак не могли принести в восточно-славянский мир структурированную государственность, поскольку ещё не имели таковой у себя на родине”.

Варяжские князья и их окружение ассимилировались довольно быстро. Через сто лет носили славянские имена, а славянским языком стали пользоваться раньше того. Но некое изначальное отличие севера от юга Руси, кажется, сохраняло свою силу всегда. Толочко считает так: “При ответе на вопрос, кто такие русы и откуда они происходят, нельзя абстрагироваться от тех летописных свидетельств, которые связывают это название исключительно с насельниками Среднего Поднепровья. Единственным восточнославянским племенем, получившим новое имя, были поляне: “Поляне, ныне зовомые Русью” (здесь и далее — современное написание цитат летописи. — М. Е.). “Матерью городов русских” был назван их город Киев, а не Ладога или Новгород, где раньше утвердились северные пришельцы. Ничего не сказано в летописи о русах в рассказе о походе Олега из Новгорода в Киев. В его войске были варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи.

Не дают оснований отождествлять русов с варягами и более поздние летописные свидетельства, в частности, те, в которых рассказывается о борьбе за Киев Ярослава и Святополка. В собранной Ярославом в Новгороде многотысячной дружине, с которой он выступил на Киев, были “варяги и прочие

вой”, но не было русов. В то время как Святополк выступил навстречу из Киева “пристроил бе-щисла вои, Русь и печенег”. О русах в войске Ярослава говорится в статье 1018 года, когда он, будучи уже киевским князем, отражал наступление Болеслава Храброго и Святополка: “Ярослав же, совокупив Русь и варяги, и словене, поиде против Болеславу и Святополку”. В приведённых свидетельствах важными являются два обстоятельства: летописец, во-первых, не отождествляет варягов с русами, во-вторых, обнаруживает последних только в дружинах киевских князей”.

То есть “варяги-русь” нашей историографии XIX и XX веков – термин негодный...

По многочисленным мнениям историков слово “русь” – это сословное обозначение воинов, дружины. Пишут также, что “русь” означает “гребцы”. Возглавлявшие дружины, приходящие на ладьях, князья уже именовались “русскими”, князьями Руси как воинства, которое базировалось на землях полян и взаимодействовало с юго-восточными соседями – и, по-видимому, это было во времена до Рюрика и до Аскольда и Дира, во времена, когда главную роль в Восточной Европе играл Хазарский каганат. В то же время северные варяги и южные – русы – представляли собой одно и то же историческое и социальное явление, распространённое тогда по всей Европе. Если кого-то заинтересует лично моё мнение, то среди варягов – и в этом смысле отличия их летописного названия – был значителен западнославянский по происхождению, прибалтийский по месту пребывания элемент. И этим они ближе словенам новгородским. Русы же, кроме служебного значения этого имени, отличались, может быть, тем, что контактировали больше с полянами киевскими... Впрочем, и в Новгороде (то есть на озере Ильмень – самого теперешнего Нова-города ещё не существовало) Рюрик со товарищи и братья был не первым “варягом” (по сей день мы используем обозначение “варяг” в смысле пришлового назначенца в место, где уже существует местная иерархия). То есть, вспоминая термин Ключевского “варяжское княжество”, можно заключить, что таковое существовало в Киеве одновременно или ранее, чем Рюриково княжество... Толочко, которому присущ киевоцентризм, вполне конкретно и последовательно им обосновываемый, приводит и следующий довод, мимо которого нельзя пройти: “О южном происхождении этнонима “Русь” и его носителей свидетельствуют также византийские письменные источники. В них название “росы” постоянно заменяется словами “скифы” и “тавроскифы”, что было бы совершенно невозможным, если бы эти росы являлись жителями далёкого скандинавского севера. К тому же греческие авторы всегда чётко различали варягов и русов. В частности, во всех императорских хрисовулах, регламентирующих пребывание иностранных наёмников в Византии, варяги и русы неизменно предстают как различные этнические группы”.

Словом, если русы X века и были племени варяжского, то и по самоопределению, и внешне они сильно отличались от приходивших вместе с ними варягов. Толочко продолжает: “Однако независимо от того, кем были летописные варяги, очевидно, что не они положили начало восточнославянской государственности. Это невозможно ни теоретически, ни практически. Если мы внимательно вчитаемся в летопись, то обнаружим, что варяжские находники не принесли в среду восточных славян новую административно-политическую организацию, но воспользовались уже существующей. “И раздая (Рюрик. – П. Т.) мужем своию волости, и города рубати, овому <Полоцк>, овому Ростов, другому Белоозеро”. Отметив, что в этих городах сели находники-варяги, летописец пояснил, что “первые насельники в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома”.

Аналогичная ситуация имела место и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные в летописи боярами Рюрика, по пути в Царьград увидели на “горе городок” и, выяснив, чей он, решили в нём остаться. “Аскольд же и Дир остались в городе сем... и начаста владеть Польскою (Полянскою. – П. Т.) землёю”.

Оговорка летописца знаменательна: по Ключевскому, поляне пришли (вернулись) на Киевщину с Галиции, а это граница польского ареала. Если подумать об этом, то можно понять, отчего Галичина так настойчиво претендует на украинское первородство, неся с собой при этом польское католичество и полупольский язык...

В первой половине IX века норманны, прибыв в Константинополь, могли утверждать, что они послы народа “рос” и посланники “хакана”. Через столетие послы Олега или Игоря из Киева, будучи норманнами, заявляли, что они “от рода русского”. То есть, надо думать, от князя русского племени. В IX веке Хазарский каганат переживал внутренний кризис и стал слабеть, а в 80-е годы IX века испытал давление ираноязычных кочевников печенегов. Видимо, создавшийся вакуум хазарской власти и заполнили уже в середине IX века “Аскольд и Дир” (некоторые историки, упоминает Толочко, считают, что это одно имя: Аскольд Дир).

Но “славянские княжения” (как их называет Пётр Петрович), и не только у полян, а ещё в городах по всей земле, существовали и ранее. “Исходя из свидетельств Бертинских анналов, а также “Баварского географа”, разместившего Русь (Ruzzi) в непосредственном юго-западном соседстве с хазарами (Gaziri), можно полагать, что русы были известны на юге восточнославянского мира задолго до их летописного “призвания” из-за моря.

Действительно, можно полагать не только это. Но и то, что спокойное житие “тавроскифов” в Причерноморье, подданное хазарам, которые при помощи насельных варягов и славян контролировали южный отрезок пути “из варяг в греки”, однажды кончилось. Степь дестабилизировалась, потом явились печенеги, каганату стало не до торгового пути. Население же Поднепровья одно обеспечить этот важнейший для всей Балтики путь в Константинополь не смогло. Тогда и появились, в помощь русам, варяги, которые действовали в собственных интересах. Они, посредством договора об охране и военной помощи, были приведены в формальное соответствие с интересами славян и их вождей. Вот почему Киев так спокойно встречал Аскольда и Дира, а словене (стоявшие у начала великого торгового пути) и чужь пошли к “варягам-руси”: для обеспечения пути требовалась подмога. А эти варяги были договороспособны, а потому “нерусскими” их назвать было нельзя. Возможно, они уже имели опыт жизни в славянских городах. . .

Дело сладилось. Уже в 860 году Константинополь увидал перед собой соединённые силы варягов и руси. Характерно, что последующие походы на Царьград состоялись, когда Рюриковичи укрепились в Киеве, после 882 года.

Страна племенных городских княжений, которых насчитывалось свыше двадцати, объединилась под властью варяжской династии: великий князь – в Киеве, его наместник или сын – в Новгороде, а в остальных более мелких пунктах – племенные славянские князья – данники князя Русской земли, которая таким образом начала проступать как историческая действительность. Олег, Игорь, Ольга и Святослав главным своим делом видели сбор даней с племён. Дани были натуральными, их надо было продать на черноморских и прикаспийских рынках. Этот по сути своей экономической (и военной) процесс привёл к созданию единого государственного пространства. Оно создавалось не без боя, что говорит о предшествовавшем существовании племенной организации, например, у древлян или вятичей, не говоря о словенах и полянах. В целом, по данным археологии, существовало большое количество этих центров доваряжской власти, на юго-востоке Руси – бывших хазарских данников, последними из которых ещё в 965 году оставались радимичи и вятичи. Соединив в единое целое племена и объединив пространства, княжеская власть (Владимир был варягом на четверть) дала стране единую веру. Летописная традиция вышла из русской церкви, из Киево-Печерского монастыря. Летописцы принадлежали эпохе новой общерусской династии – принадлежали как её сотрудники. Может быть, поэтому летописная традиция нивелирует отличия племён в пользу нового христианского единства.

Я же не могу отделаться от ощущения, что русское государство, политически соединив восточных славян и финно-угров, освятив этот союз Крещением, ничего больше не могло сделать с различиями племён, по всей видимости, заметными и приобретёнными ими за века до того – в доисторическую эпоху.

Прошло тысяча двести лет, но нельзя игнорировать то, что белорусы (дреговичи и кривичи) в чём-то важном остаются собой, всё так же немногословны и добросовестны. “Поляне” по-прежнему пытаются претендовать на некое только им понятное первенство среди восточного славянства. Как первые киевские летописцы. Как щирые украинцы. . . Ну, а “словене, вятичи,

радимичи и чудь” – всё так же называются “варварами”, но при этом, чуть что, крепче других умеют держать в руках боевой топор...

Мы остановились на том, что наша официальная российская история – это в первую очередь история Государства Российского, которая в этом качестве и начиналась Куракиным, Татищевым и Карамзиным (и Мюллером, и Шлецером). Для неё главное – момент объединения и дальнейшего национального становления в рамках государства. Государству же принадлежит и самая ранняя историография, каковую мы имеем в виде Повести временных лет. Поэтому этнонациональный, племенной фактор (а это, как показали века и целое тысячелетие, вещь, которую не удаётся сбросить со счетов) намеренно, в силу политической необходимости, и ненамеренно, в силу близорукости либо забывчивости, упускается из виду. И в каждый момент исторических потрясений или острых кризисов государства этот племенной фактор вдруг оказывается на самой поверхности жизни народности или нации, или даже “новой исторической общности – советского народа”.

С другой стороны, этнические разногласия в основном раздуваются и усугубляются не по объективным причинам, не в силу реально “наболевшего” в отношениях внутри большого социума, а по проискам внешних врагов-конкурентов данного (советского, российского) общества и государства – при помощи местных элиток, которым милее царствовать (ханствовать, панствовать, княжить) в племени и на племенных основаниях, чем быть губернатором в имперской системе, где вдоволь поиздеваться над соплеменниками могут и не позволить. Но и местные элиты – разные. В Белоруссии, Казахстане, Туркмении – они такие, а на Украине – этакие. Дело опять-таки в местных традициях и составе этих элит. На мой взгляд, в современном глобальном мире есть тенденция к образованию больших союзов с тем, чтоб их экономика опиралась (или была готова опереться) на внутренний рынок. Книга Петра Толочко важна для меня потому, что я надеюсь с её помощью понять: есть ли непреодолимые препятствия к тому, чтоб Украина перестала себя разрушать и включилась в евразийское объединение? История интересна мне именно с этой точки зрения. Я стараюсь не пройти мимо действительно важных моментов нашего общего исторического прошлого. Взвешиваю все “за” и “против”. Поэтому, сказав о том, что в глухом прошлом восточных славян могли быть, и вероятнее всего были, важные для их самосознания (скорее – коллективного бессознательного, тщательно раздуваемого врагами нашей общей истории, как давно угасший костерок) остатки доисторической самоидентификации, я также отмечу, что было-было и всё другое. Детство и колыбелька народов – это важно и нежно. Но о человеке или народе судят по итогам его зрелой жизни. Не надо ничего выдумывать о прошлом, слишком далёком и неверном. Есть настоящее, фактическое прошлое, проверенная история, без которой нормального будущего у нас не будет. Поэтому, отдав малую дань вопросам спорным, обратимся теперь к бесспорному. Вот, например, Толочко пишет о языке: *“Был единый древнерусский язык, разумеется, со своими диалектными особенностями. О том, что он пережил даже Киевскую Русь, которая была разгромлена в 1230–1240-х годах, свидетельствует тот факт, что когда в XVI–XVII веках началось возрождение Руси, то и в Киеве, и в Москве учились по одной “Грамматике” Мелентия Смотрицкого. Как установил русский филолог С. Трубецкой, классический русский... язык скорее основывается на киевской редакции церковнославянского языка, чем на северо-восточной. Это объясняется тем, что в XVII веке многие просветители (Арсений Сатановский, Симеон Полоцкий и мн. др.) из Киева переехали в Москву и привезли свой язык”*. Киевляне сохранили и развили грамматику, а материальную базу для переезда создала Москва... Нет, не только Москва и москалы, не только они. Они лишь вынесли на своих плечах главную тяжесть борьбы с Ордой и её наследниками. Вынесли и огрубели (о чём сокрушался историк С. Соловьёв). Но создали политические условия этого самого возрождения Руси – общей нашей Руси.

Ещё цитата из сборника П. Толочко, ещё пример, отсылающий к самому началу вековой и столь много решившей в нашей истории борьбы. *“Особым обстоятельством отличались церковные связи Киева и Новгорода. Все новгородские владыки поставлялись на епископскую (архиепископскую) кафедру в Софии Киевской при участии митрополита и великого князя. Этот канонический*

ритуал неукоснительно соблюдался вплоть до вторжения в пределы Руси монголо-татар. Известны также пастырские посещения Новгорода киевскими митрополитами...”

Далее – внимание: “Одно из них, состоявшееся в 1251 году, имело чрезвычайно важное значение не только для церковной, но и для общественно-политической жизни. Есть достаточно оснований полагать, что во время этого посещения на церковном соборе в Новгороде митрополит киевский Кирилл, епископы Новгородский Долгат и Владимиро-Суздальский Кирилл вместе с князем Александром Ярославичем (Невским), обладавшим с 1249 года ханским ярлыком на владение Киевом и Русской землёй, провозгласили Владимира Святославича святым. Этот канонизационный акт был заказом времени. Русская земля в широком значении этого термина, которую собрал и просветил князь Владимир, оказалась в смертельной опасности и нуждалась в его покровительстве, теперь уже как Святого.

Таким образом, истории было угодно, чтобы два древнейших и великих города Руси – Новгород и Киев – не только положили начало государственной консолидации восточных славян, но и явили им сакральное знамя для борьбы за возрождение Руси в условиях монголо-татарского порабощения”.

Что это означает в контексте вышесказанного? Это значит, что уже через четыре-пять столетий общежития, через двести пятьдесят лет христианства единая Русь была прочным фактом, настолько, что полный политический крах и материальное разорение не смогли её разорвать, уничтожить как главенствующую идею. В начале долгого и трудного, приведшего ко многим потерям и появлению трёх народностей вместо одной пути, стояла попытка эту идею укрепить прославлением князя Владимира. И надо сказать, велик народ, который в такую годину может найти в своей истории и поднять на знамя такое имя. И – мелок, недостойн сам себя народ, предающий такие знамёна забвению ради кратковременных целей и мелких интересов неизвестно кого, поскольку неизвестны точные имена бенефициаров русского раздора. Но известно, что, лишь желая добра будущему, народы способны братски жертвовать тем, что им фактически принадлежит. И наоборот: посягательство на чужое – посягательство всеми неправдами – это похоть сиюминутная, ничего не полагающая в будущем. Вот цитата и пример о делах из другой эпохи, не начала, а, наконец, завершающей фазы русского объединения: “В реальности нынешняя восточная граница Украины проходит значительно дальше, чем это могло быть, исходя из политических реалий XVII–XVIII веков. При Юрии Хмельницком и по его просьбе к Малороссии отошла Новгород-Северщина, ранее входившая в состав Московского государства. Впоследствии украинскими оказались города российской юрисдикции Путивль и Глухов, а также Слобожанщина, находившаяся преимущественно под управлением Белгородского воеводства и Разрядного приказа”.

Современные украинские этноидеологи скажут, что-де это и так была “украинская” земля. Но это не так фактически. Эта земля была военным трофеем Москвы, отбитым у Речи Посполитой. И этим всё сказано. Но для Москвы принцип изначального, “экзистенциального” единства Малой, Белой и Великой Руси всегда был чем-то само собою разумеющимся. Да, Московская власть во всё послеордынское время была заинтересована в расширении пределов своей географии. Так же, как и варяжские князья, за пятьсот лет до того распроставившие своё государство на северо-восток. Но – и это самое главное в моём рассуждении – разве не был заинтересован в этом и православный народ трёх концов Руси? Единство закладывалось государством издавна, и, созданное им, оно стало одним из крупнейших фактов мировой истории вообще. И мировой культуры.

А начиналось всё в том числе и так: “Произнеся знаменитую фразу “Се не добро, еже есть мало городов около Киева”, Владимир Святославич развернул строительство крепостей по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Для их заселения и службы в них привлёк лучших мужей “от словен и от кривичей, и от чуди, и от вятичей”. Ещё штрих. “После возведения Ярославом Мудрым Софии Киевской, одноимённый храм был воздвигнут и в Новгороде, причём строили его те же мастера-архитекторы, что и киевский”.

Фактов настоящего “тела” истории хватает, чтобы никогда уже не спорить о них. Да только доступ “к телу” – то есть к реальности живых вещей как они

есть, в наше время постинформации (чистой пропаганды) либо закрыт, либо строго дозирован. . .

Толочко не устаёт повторять проверенную и обжитую истину. “Монгольское завоевание Руси, последующее её расчленение между Золотой Ордой, Великим княжеством Литовским и Польшей нарушило естественное течение истории восточнославянских земель. Они оказались на положении колоний. Понадобилось много времени и усилий, чтобы освободиться от чужеземной зависимости. Раньше всего это удалось Северо-Восточной Руси, где уже с XIV века формировалось централизованное государство. В XVII веке освободилась от зависимости и Южная Русь – Украина. Длительная борьба за независимость, вылившаяся в Освободительную войну 1648–1654 годов под руководством гетмана Богдана Хмельницкого, завершилась победой украинского народа. После длительного перерыва народ вновь обрёл государственность и защитил свою православную веру. И тем не менее в новый этап своей истории Украина вступила, заметно изменившись духовно. Теперь в ней наряду с исконным православием, которому покровительствовало казачество, появился и католицизм, пришедший сюда вместе с польской шляхтой. . .

Формально в Бресте 1596 года было провозглашено объединение православной и католической церквей, в действительности же произошёл ещё один церковный раскол, теперь уже в русском (украинском) православии. Новообразованную церковь хитро назвали греко-католической, но фактически она была просто католической, поскольку и канонически, и иерархически входила в структуру Папского Престола. . . Униаты, пользуясь покровительством Рима и Варшавы, изначально заняли агрессивную позицию по отношению к православным. Последние подвергались преследованиям и потеряли в это время даже собственную митрополию. . . Вековое соперничество православия и католичества, приобретавшее иногда весьма уродливые формы, изнуряло духовные силы украинского народа и не позволяло ему консолидироваться”.

Итоги Брестской унии, униатского раскола и польско-католического гнёта на Правобережной Украине для русского народа (и русского будущего – ведь именно о нём и ни о чём другом шла и идёт речь!) – плачевные: “То, что происходит сегодня в религиозной жизни Украины, совершенно не отвечает интересам украинского общества. Будем честны перед собой и признаем, что церковные манипуляции в прошлом и настоящем фактически привели к образованию двух украинских народов: западноукраинского, исповедующего католицизм (грекокатолицизм), и восточнуукраинского, придерживающегося православия. У них разные традиции, культурно-исторические ценности, различное представление о будущем Украины. Один видит её исключительно в западноевропейском содружестве, другой не мыслит её существования в отрыве от России и Беларуси”.

Католическая Украина есть проект Речи Посполитой как восточного форпоста Рима. Запад и Восток Европы столкнулись в XVI веке, при Иоанне Грозном. . . С тех пор Россия для Европы в любом её виде – враг, ибо претендует на равенство и уважение, а главное, способна за это равенство и уважение постоять самым реальным образом – силой. В конце XVI века Польша была, наряду с Испанией, “самой” католической страной. И самой иезуитской. Создание Речи Посполитой повлекло и Новгородский погром, учинённый Грозным, и Брестскую унию 1596 года. Чуть ранее, в 1589 году установлено патриаршество на Руси – в Москве. Понятно, что на повестку стала борьба за русский народ в землях Речи Посполитой, а значит, за будущее этой польской “империи без императора”. За унией последовало участие иезуитов и Польши в Русской Смуте начала XVII века. Первую схватку Россия проиграла. На вторую – Смоленскую войну и войну за Украину – решилась только через тридцать лет. Но наше общее с малороссами дело было правое, и мы победили. Это была тяжёлая борьба, осложнённая участием Швеции, которой тоже пришлось дать отпор. Но в итоге в 1686 году, по окончательному “Великому миру” с Польшей, Левобережная Украина с Киевом отошла к России. Тогда же и киевская митрополия была подчинена Московскому патриархату, что в 1687 году подтверждено Константинополем. . .

Польша проиграла своё имперское будущее именно на Украине. После этого она только рушилась и отступала. Вот почему “украинский вопрос” так болезнен для Польши. Вот почему в ход идёт любая ложь – оружие слабых и неправых. И вот мы видим, что тем, кому на Украине хочется панствовать

(чего бы это ни стоило) и шляхетствовать (вопреки всему), очень нравится идти на побегушки к полякам, которые сами в Европе четвёртый век на побегушках, что, конечно, не могло пройти бесследно...

Возвращаясь ко временам сложного и противоречивого становления украинской государственности, прочтём в трудах Толочко следующее: «Фактически у неё были три независимых центра: Гетманщина, Правобережная Украина и Запорожье, причём ни один из них не предполагал независимого существования. Все были привержены в лучшем случае идее автономии под протекторатом могущественного сюзерена. Гетманат в большей мере ориентировался на Москву, правобережные гетманы – на Варшаву или Стамбул, Запорожская Сечь – попеременно на все три названные столицы и на Бахчисарай.

Особенно проблемной для государственного развития Украины оказалась Запорожская Сечь. Возникнув как мощный очаг сопротивления господству на украинских землях Речи Посполитой, а также татарским набегам, Сечь со временем превратилась в деструктивную силу... <...>

Уже после того как Богдану Хмельницкому удалось создать казацкую державу с центром в Чигирине, Запорожье объективно стало его своеобразным антагонистом. Оно постоянно вмешивалось в дела Гетманщины, часто, не соглашаясь с центральной властью, заключало сепаратные договоры с Крымским ханством, избирало на своих радах альтернативных гетманов. Так случилось в 1692 году, когда при живом Иване Мазепе Запорожье, поддержанное крымским ханом, избрало гетманом Украины Петрика. Конечно, всё это дестабилизировало ещё не окрепшую украинскую государственность и явилось едва ли не главной причиной политической и экономической разрухи второй половины XVII века, получившей название Руины... <...>

Известно, что ещё при Богдане Хмельницком из его подчинения вышли казаки Слобожанщины, которых ему пришлось усмирять силой... <...>

В годы гетманства Ю. Хмельницкого Украина и вовсе разделилась на две части: Левобережную, оставшуюся в составе Московского государства, и Правобережную, вернувшуюся в подданство Варшавы. Гетманы обеих Украин (! – М. Е.) с помощью своих суверенов пытались распространить свою власть на соседние территории, что приводило к нескончаемым конфликтам и войнам.

Со времён окончательной ликвидации Украинского Гетманата (1764) и введения «Учреждения о губерниях» Левобережная Украина была включена в общерусскую систему административно-территориального устройства с губерниями и наместничествами. Аналогичное административное деление было введено и на украинском Правобережье. В 1775 году перестала существовать и Запорожская Сечь (по указу Екатерины Великой казаки переселены на Кубань. – М. Е.)... <...>

В «невыносимых условиях царского гнёта»... украинская государственность просуществовала более 120 лет, тогда как на территориях, вошедших в состав просвещённых и либеральных Речи Посполитой и Австро-Венгрии, её не было вовсе... <...>

В цивилизационном отношении нынешняя Украина состоит из двух частей: коренной восточнославянской в границах лесостепной и южнополюсской зон и степной, колонизированной восточными славянами. До этого её полновластными хозяевами были ирано- и тюркоязычные народы: в I тысячелетии до н. э. – киммерийцы, скифы, сарматы, в I-II тысячелетии н. э. – авары, венгры, болгары, печенеги, торки, половцы, татары. Только к концу XVIII века Россия, преодолев сопротивление Крымского ханства и Турции, распространила на эти земли свой суверенитет. На это время приходится и массовое переселение сюда выходцев с территории Российской империи, причём не только украинцев, но и русских (может быть, русских в большей мере).

Административно украинскими эти земли стали только в марте 1918 года, когда по настоянию В. И. Ленина в состав Украинской Советской Республики вошла Донецко-Криворожская Советская Республика».

Словом, наука говорит, что всё было непросто. Что процесс создания УССР, которая получила суверенитет в 1991 году, был многосложный, поэтапный и в основном... совершался не украинцами. Если вычтёт все людские и денежные затраты России на создание незалежной Украины, то можно сказать, что большая, индустриально развитая страна, пребывающая в хорошем

“месте географии”, свалилась на украинцев с неба. С общего русского неба. Может быть, тайно понимая это, украинские элиты и относятся к стране как к случайному дару, который не всерьёз и не навечно? Поэтому и спешат – либо раздербанить страну, либо заручиться поддержкой тех, кто позволит и дальше продолжать раздербан общерусского наследства? Интересы прикрывающих (Запад), конечно, идут дальше – в глубь России. Но здесь “гетманы” и конгресс США “совпадают”: кому-то – “тактические” барыши, а кому-то – стратегические замыслы. Ну, кто до чего дорос.

Толочко сокрушается: *“Приведённый исторический экскурс был необходим, так как традиции государственной полицентричности, разнонаправленной внешней ориентации, неспособности подняться до уровня осознания общенациональных интересов сохраняются, к сожалению, и в наше время. По сути, отношение к нынешней “гетманской” булаве осталось прежним.*

Реально на Украине правят бал несколько конкурирующих политико-экономических корпораций, которые, поочерёдно приходя к власти, принимают строить своё государство, совершенно не сообразуясь с принципами преемственной ответственности, но обязательно с ярко выраженной региональной провинциальностью, будь то днепропетровской, донецкой или галицкой”.

Слом идентичности, “переформатизация” народа обычно производятся во времена разрухи и потрясений, когда люди думают не о ценностях или устоях, а о выживании. Эта политика претворяется в жизнь на Украине теми, кто сегодня поощряет там “борьбу”. На самом деле цель не в борьбе за независимость, “достоинство” или европейский выбор, а в создании Великой Галичины на месте Малой России. Цель – превращение как можно большего куска УССР в русское Косово. В очень коварном и скорее всего непоправимом ударе по исторической Руси. И у них там, в преддверии будущей геополитической борьбы за Евразию, – нет иного выхода. Но и у нас здесь иного выхода, как оставить Галичину лишь мелким уродом в русской семье, а Малороссию вернуть на подобающее ей и необходимое нам место, – тоже нет. А для этого надо в первую очередь остановить украинских “гетманов”.

... Львовский журналист Остап Дроздов дал интервью канадскому телевидению. Понятно, резко негативное по отношению к России, интервью это содержит мысль, по мнению Петра Толочко, важнейшую для понимания феномена Украины. Дроздов, как передаёт нам Толочко, заявил следующее. *“Меня тешит, что Украина является антитезой России”. В России всегда имела место “диктатура” слова “мы”, тогда как Украина – это всё-таки страна большого количества “я”. Без таких “я”, утверждает журналист, общество обречено быть “оголтелым стадом баранов” по российскому образцу”.*

Далее Пётр Петрович комментирует социально-культурные “прозрения” Дроздова. Если бы О. Дроздов немного задумался, а ещё лучше, что-то прочитал, то *“обнаружил бы, что это “оголтелое стадо баранов” создало одну из ярчайших мировых культур, а “диктатура” “мы” оказалось способной построить государство, которое существует более тысячи лет. К сожалению, украинцы такими достижениями похвалиться не могут. И, несомненно, одной из основных причин, не позволивших нам создать непрерывную государственность, было и остаётся это злополучное “я”.*

“Революция достоинства” в 2014 году случилась ради достоинства человека-потребителя, готового кричать на каждом углу: “Ось я, дивитесь!” – и требовать, требовать, требовать. Конечно, не по заслугам, ведь понятие “заслуга” для Украины – дело ох, какое относительное. На Украине много эгоистов, но мало граждан – слишком мало, чтоб общество развивалось позитивно. Украина – миф, внутри которого лучше всего чувствуют себя упыри. Человеку долга – то есть человеку “мы” – здесь не выжить. Похожие тенденции есть и в России, они особенно поддерживаются из-за рубежа. Точно подмечено: где одни “я”, там “мы” не создать, значит, не создать ничего путного, конкурентоспособного, опасного для идеологов всемирного “я”, чьё собственное прочное имперское “мы” останется неколебимым... Россия-Украина-Беларусь – вот “мы”. А в Европе хорошо усвоили, что такое общерусское “мы” означает...

Но есть и ещё один аспект этого старинного “разделяй и властвуй” – не применительно к украинской способности хоть что-то сделать и не касаемо славянского общения. Дело шире. Смотрите, Западная Европа исламизуется,

стареет, утратила пассионарность. А Восточная Европа – нет. Ни Польша, ни Венгрия, ни Прибалтика, ни Русь не “успокоились” и не угадали в историческом темпераменте. Доказательство этому – в отношении к мигрантам из арабского мира. То есть это восточноевропейское ядро – единственная часть Европы, имеющая потенциал действия. И именно в самый центр этого ядра забит клин совершенно не нужного никому в Восточной Европе противостояния. Кто-то хоронит Европу. Кто-то заранее убирает конкурентов. . .

В книге “Украина между Россией и Западом” Пётр Толочко неоднократно формулирует свои взгляды социально-политического и историософского плана. Я надеюсь, что никому в двадцать первом веке эти зрелые размышления известного и уважаемого учёного и честно прожившего жизнь, равнодушно к судьбе восточного славянства человека не повредят. Хорошо бы, чтоб они не вызвали скуки: да, друзья, в своём подлинном жизнь – это отнюдь не смешно, не развлекательно. Потому что это *серьёзно*. Вот мысли Толочко о соотношении государства и свободы:

“Постоянно предъявляя претензии к государству как душителю свободы, общество в целом и его лучшие представители, в частности, не всегда отдавали себе отчёт в том, что именно оно обеспечивало условия развития экономики, просвещения, культуры. Будь государство действительно тираническим деспотом, каким его всякий раз представляли в глазах общественного мнения, оно оставило бы после себя пустыню. . .

Человечество и сегодня восторгается афинским Акрополем и римским Колизеем и, конечно же, за давностью лет не переживает из-за того, что всё это было построено в результате жестокой эксплуатации рабского труда. . .

Паразитируя на покорённых народах, эти государства не только брали, но и отдавали. Регионы имперского владычества вовлекались в систему экономических связей, окрашивались в культурные цвета своих метрополий. Разумеется, речь идёт о провинциальных вариантах культур, но и в этом случае жизнь провинций приобретала невысказанное в условиях их независимости ускорение. В последующие периоды истории некогда покорённые народы оказывались значительно выше в своём развитии, чем их более “счастливые” соседи, которых миновала такая судьба”.

Как видите, речь идёт том, что императив развития чаще всего главенствует вопреки субъективному (и инфантильному) повседневному желанию свободы. И особенное значение здесь приобретает способ взаимодействия метрополии и колоний. Иногда термин “колония” накрепко попадает в объятия кавычек. Особенно в русской истории, когда трудно понять: кто же действительно был “метрополией”, а кто – “колонией”. Непреложны успехи в развитии народов, вошедших в орбиту нашей “тюрьмы народов”. Толочко даёт такую сводку представительства украинцев в высших кругах москальской империи: *“Идеологами имперских преобразований Петра I были выдающиеся украинцы (малороссы) Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Арсений Сатановский, вышедшие из стен Киево-Могилянской академии. В 1750-х годах из десяти членов Священного Синода девять были выходцами с Украины. Правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Розумовский, его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге, а сын Кирилла Алексей стал сенатором и министром образования России. Князь А. Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I. Этот перечень можно продолжить сотнями имён других украинцев, бывших губернаторами, выдающимися военачальниками. . . (деятели искусства и литературы. – М. Е.). В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны – Н. Хрущёв, Л. Брежнев, Н. Подгорный. Известно также, сколь существенен вклад украинцев в формирование русской культуры. . . В Ростове Великом жил и творил киевлянин Дмитрий Ростовский (Туптало). В словено-греко-латинской академии в Москве в XVII веке преподавало около 100 профессоров из Киев-Могилянской академии. Феофан Прокопович стал одним из инициаторов основания Императорской академии наук в Петербурге”. В чём разница между властью имперской – и новоукраинской “державной властью”? Вот факты из отрасли культурного строительства (это самый неопровержимый*

показатель – культурное развитие “колоний”). Толочко считает, что участие России “в обучении и воспитании украинских талантов трудно переоценить. Практически все украинские музыканты и художники XVIII–XIX веков высшее образование получили в России, а затем за рубежом. Причём государство всегда брало на себя все материальные и организационные затраты”. Но то дело прошлое, забытое. А что же сейчас? А сейчас забыты не только факты, но и обыкновенный политико-исторический здравый смысл: “В демократическом гражданском обществе за его состояние отвечает политическая элита. Она определяет основные общественные (они же государственные) приоритеты и предлагает пути их решения”, – пишет Толочко. Правила эти в современной Украине совсем не подтверждаются практикой. И реальность мстит: П. П. Толочко приводит формулировку из исследования В. К. Симоненко “Пятилетка крутого пике” (Киев, 2016): “У власти, которая сегодня управляет страной, нет даже понимания того, что государственное управление – это системное общественное явление”. Симоненко приводит и такие данные: валовой внутренний продукт Украины в 2015 году составил всего 34% от уровня 1990 года, тогда как при Януковиче он равнялся 69% от советского “колониального” уровня... Вот это и есть торжество дроздовского “я”?

Понятно, что ни украинская промышленность, ни наука – ни вообще какая бы то ни было украинская конкурентоспособность хозяевам в Европе совершенно ни к чему. Она им там, что косому грабли. От Украины им желательна только белая рабочая сила, рынок ширпотреба, электронных бус и трещоток, территория и – протестный антирусский потенциал, а в перспективе – пушечное мясо. Неудивительно в этой связи, что за годы незалежности удельный вес Украины в мировой экономике упал с 2% до 0,2%. И, в общем-то, закономерно, но и омерзительно на фоне этих цифр поведение киевских “властей”, только подтверждающее истину о настоящей роли украинства в глобальном контексте. Вот ещё одна из иллюстраций:

“Парадоксальность ситуации заключается и в том, что люди, неистово борющиеся с символами советского прошлого, спокойно себя чувствуют, работая в зданиях Верховной рады, резиденции президента, Кабинета министров, построенных советской властью (судя по размаху и качеству проектов – именно московской советской властью. – М. Е.) и являющихся её символами больше, чем красная звезда или серп и молот. Символами советского прошлого являются ДнепроГЭС, Запорожсталь, Мотор Сич, Южмаш, Криворожсталь, киевские фабрика Карла Маркса и завод “Ленинская кузница”, оказавшиеся в руках П. Порошенко, и ещё сотни предприятий, многие из которых и поныне работают...”

... В бывшее советское “злочинное” время имелся на Украине, пожалуй, самый знаменитый украинский писатель Олесь Гончар. И всё у него было. Кроме, понятно, искренней любви к этой, всё ему давшей, стране СССР – “империи зла”. Уже в 1993 году, по свидетельству Толочко, написал Гончар на страницах своей записной книжки страшные слова о Донбассе. “Донбасс – это раковая опухоль, так отрежьте его, бросьте в глотку империи! Ибо метастазы задавят всю Украину! Что даёт Донбасс нашей духовности, нашей культуре? Колбасный регион и колбасная психология... Пусть нас будет меньше на несколько миллионов, но это будет нация. Мы способны будем возродиться. Войти в европейскую цивилизованную семью. А так никогда порядка не будет. Будет разбой и вечный шантаж”.

Вы знаете, меня так и подмывает заменить в этой анафеме слово “Донбасс” на слово “Галичина”. Замените и прочтите вновь. Кажется, всё в порядке теперь, да?

Вообще-то история и здравый смысл учат, что огульные, упрощающие характеристики нигде и никогда не попадают в цель. Верно это и в отношении запада Украины, кто бы и что бы когда-то или теперь, не говорил о людях, которые там живут, жили и будут жить. Тем не менее, в дополнение к мнению журналиста Дроздова, о котором шла речь несколько выше, давайте посмотрим, что говорит о проблеме западенского нацизма и его истории уважаемый киевский историк.

“После объявления Австро-Венгрии войны России в 1914 году главным театром военного противостояния стала Восточная Галичина... Борьба здесь велась не только за территорию, но и за насельников этого края. Австрийцы

называли их украинцами, а русские – русинами, что исторически было более правильно. <...> По существу, русины справедливо считали себя частью единого восточнославянского племени ... и поэтому испытывали симпатии к России...

Австро-Венгрия, в состав которой входила Восточная Галичина, не могла смириться с влиянием России и, в противовес историческому русинству, принялась организовывать украинофильское движение. Проект дерусинизации края стал одним из важнейших государственных приоритетов. Ставка была сделана на грекокатолическое духовенство, которое под руководством митрополита Андрея Шептицкого превратилось в государственных пропагандистов украинства. Из Киева во Львов был приглашён будущий “отец” украинской государственности М. С. Грушевский, его сделали профессором. Галицкая москвофильская газета “Русский голос” писала тогда, – свидетельствует Толочко, – что М. Грушевский обязался воплотить в жизнь политическую программу Вены. Его альтернативная концепция украинской истории, которую он вскоре и создал, подтвердила правоту “Русского голоса”. Таким образом, у истоков истинно украинской истории стояли люди, подобные сегодняшнему патриоту России Дмитрию Быкову... эмигранты в своей стране, принципиальность коих есть условие профессии...

“Успех австрийского проекта превращения русинов в украинцев был тем значительнее, чем большую поддержку оказывали ему австрийские государственные власти, а также польская местная администрация...”

Австрия готовилась к войне. Занималась тем, чем сегодня на территории бывшей УССР занимаются нынешние враги русского народа вообще – не только великорусского.

“Именно русины были объявлены главными виновниками поражения австрийцев в сентябре 1914 года и подверглись массовым арестам. Австро-Венгрия с полным правом может считаться родоначальницей первых концентрационных лагерей в Европе. В двух из них – Талергофе и Терезине – было замучено и убито более 60 тысяч русинов... Именно в Талергофе был уничтожен цвет русинской и русофильской интеллигенции”. К этой же европейской традиции геноцида русских нужно отнести и деяние администрации Пилсудского в Западной Украине и Западной Белоруссии. Тогда были буквально уморены голодом и холодом несколько десятков тысяч красноармейцев, попавших в плен во время советско-польской войны в 1920-1921 годов. Но вернёмся к истории становления “порфиородного” – рождённого в крови невинно убиенных – свидетоного “украинства”.

Его купелью стала освободительная борьба. Его пантеоном – герои этой борьбы в тылах реальных армий – Красной Армии и вермахта, – пока они были заняты схваткой между собой. Его, галицизма, ареопаг предтеч и пророков, в основном, находился и находится за границей. Издавна – в католическом Риме, потом в Вене, потом – в Берлине, теперь... В 1926 году вышел труд Дмитрия Донцова “Национализм”. Толочко пишет: “ОУН взяла на вооружение националистическую доктрину Д. Донцова: “Жажда власти, догматизм, фанатизм, аморальность, творческое насилие, вождизм”. Здесь историк ссылается на анализ “труда” Донцова, сделанный В. Полищуком. У него же берёт Толочко такие цитаты из “Национализма”: “Национальный фанатизм – это оружие сильных народов, которым совершаются великие поступки”; “Закон экспансии... существовал, существует и будет существовать”; “Общество, которое отбрасывает завоёванное, находится в состоянии упадка”; “Борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости. Только филистеры могут полностью отбрасывать и морально осуждать войну, убийство, насилие”.

Есть ощущение, что данный Донцов сидел в одной камере с Гитлером, только свою методичку издал немного позже. Задачи таких “Националистов” – скомпрометировать само слово национализм, надеть его, как перчатку, на кулак нацизма. Скомпрометировать, сначала выжав из него разрушительный потенциал, – и только потом снять с кулака, выбросить и растоптать. И подвергнуть непрекращающемуся проклятию после, чтобы вышибить почву из-под любого сопротивления глобалистскому империализму в “мирное время”. Но в 1926 году уже думали о войне. Создавалась химера нацизма, в том числе галицийского. Явилось “евангелие”, явились и “апостолы”. Их было немало, думали они разное, интересы их на Западной Украине не совпадали.

Один из борцов, впоследствии уничтоженный Бандерой, по-видимому, был недостаточно готов к борьбе. Его не поминают сейчас (я не слышал), надо думать, потому, что считают предателем. Ибо Т. Бульба-Боровец — так его звали — возмущённо писал Бандере: *“Товарищи националисты! Как вам не стыдно толеровать такие преступления? Кто из честных революционеров может сегодня распределять функции на Украине, если она дымится в пожарах и подплывает кровью? Кто ещё сегодня может мечтать о тех ваших должностях, если ежедневно тысячи гибнут от террора и голода? Неужели сегодня важнее то, кто будет руководить Украиной, а не то, чтобы общими силами спасти её от полнейшего порабощения? Государственная власть — не выгодное место, а ответственнейшая тяжёлая служба Родине”*.

Ничего не изменилось в украинском “национализме”. И сегодня товарищ Тарас Бульба не избежал бы жестокого разочарования. . .

Чтобы покончить с этой гадкой темой, выпишу ещё две цитаты. Толочко пишет: *“Для наших современников, склонных к идеализации и даже героизации ОУН-УПА, приведу слова Ивана Ольхового, одного из воинов отдела УПА на Дубенщине. В разговоре с подпольщицей Олей Горошко он сказал: “На боевой плоскости УПА вела хрустальную работу, если на неё смотреть свысока или издали. Надо подойти вплотную, чтобы увидеть всё другое, что издали совсем не видно. В низах наших действий полным ходом разгуливали человеческие страсти, злоба, ненависть, зависть и желание убогого показать свою силу. . . Мы почти сознательно содействовали злу и разрешали позорить всё то, что должно быть святым”*.

И второе: *“Слова “украина”, “украинец”, “украинский” по решению Гиммлера были запрещены к использованию под угрозой наказания. Солдаты дивизии (“Галичина”. — М. Е.) должны были называться не украинцами, а галичанами”*.

Как известно, немцы путаницы не любили и в самых организованных злодействах. Но поиздеваться были не дураки.

Ко всему, оказывается, на Украине имеются серьёзные проблемы с письменным литературным языком. И конечно, эти проблемы явились и “развивались” в русле галицизма и украинства.

“В 1912 году в Киеве, — пишет Толочко, — вышла небольшая по объёму книга Ивана Нечай-Левицкого “Кривое зеркало украинского языка”. Писатель возмущается тем, что украинский литературный язык, сформированный на базе приднепровских диалектов, загрязняется галицким говором. Эта тенденция прибрела особенно угрожающий характер после того, как в Киев возвратился М. Грушевский и перенёс с собой целый ряд галицких журналов. . .” Понятно, Австро-Венгрия через Львов готовилась расширяться на восток за счёт России. Славян на Украине даже не спрашивали: дуракам — незалежную сказочку, умных — уничтожить. Но дело ещё в том, что, по тогдашнему выводу Нечай-Левицкого, М. Грушевский внедряет *“нахрапом на Украине галицкий книжный язык и правописание”*. Этим ставленник Вены “роет такую яму, в которой можно навеки похоронить украинскую литературу”. Удивляться нечему: когда и кому, кроме русских, была интересна украинская литература? Так вот, гнев Нечай-Левицкого, как говорит Толочко, *“вызван не только многочисленными полонизмами и германизмами галицкого языка, но и его правописанием, которое основывалось на латинском или польском”*. Украинский патриот *“в отчаянии восклицает: “Галицкая агитация не дремлет и вредит нам почище старой цензуры”*.

Сто лет назад на Украине возникла борьба между языком Полтавщины и Киевщины и языком Галичины. Первый обвинялся в обрусении (русский по своему происхождению язык обвинялся в обрусении!). Второй — в ополячении. Но проблема “галицкого литературного” была не только в ополячении и латинской грамматике. Украинский исследователь Б. Гринченко, по свидетельству Толочко, писал: *“Очень жаль, что галичане вообще (кроме нескольких исключений) не придают значения своему литературному развитию и в самом деле находятся в этой области на низком уровне, а их произведения. . . как правило, напоминают своим содержанием и языком (часто невозможным!) начало, а не конец XIX века”*.

Это чем-то напоминает современную “актуальную” литературу, чьи “инновации” направлены на разрушение русской культуры, отчего актуальна она только для грантодателей из-за рубежа. Напоминает именно своей надуманностью,

никчёмностью, мертвечиной – осознаваемыми и самими “творцами”, “творящими” постольку, поскольку “это тренд”, поскольку – печатают.

И вот уже вторую сотню лет на Украине не могут договориться о литературном – о целостном украинском языке. Некто Анатолий Железный, например, высказал, может, единственно верную мысль, за которую его чуть не упекли: он утверждал, что украинский язык – диалект, нечто среднее между польским и русским языками. “А. Железный имел в виду, что в современном украинском языке огромное множество полонизмов, проникших в него со времён вхождения в состав Речи Посполитой и сделавших его отличным от русского языка”.

Думаю, именно за полонизацию либо русификацию украинского языка, т. е. собственно страны, идёт борьба. И по мнению Толочко, это борьба разрывает Украину надвое.

В заключение обзора сборника историко-публицистических очерков П. П. Толочко приведу ещё несколько его цитат.

“Если быть честными и не заниматься очернением прошлого задним числом, следует признать, что именно 1960–1980-е годы были для Украины временем наивысшего подъёма. По мнению экономических аналитиков, перед развалом Советского Союза она находилась на уровне наиболее развитых европейских стран. За этот период её население увеличилось на 9 миллионов человек и достигло 52 миллионов, что свидетельствовало о весьма высоких стандартах в социальной сфере страны”.

Но развитие и непрерывный рост, экономический и социальный, продолжался на территории нынешней Украины и в “царские” времена. Донецкий угольно-металлургический район, появившийся на карте в 1860-х, уже в 1890-е перегнал Урал по выплавке чугуна. . . Третий в стране университет создан в начале 1800-х в Харькове. . . И так далее, и так далее.

“Будем честными перед собой и признаем, что годы суверенной жизни не принесли Украине ни экономического, ни общественного процветания. Более того, за это время она потеряла многое из того, что имела в социалистическом прошлом. Население уменьшилось на 10 миллионов человек, из первой десятки промышленно развитых стран мира страна перешла во вторую сотню. Образование и наука оказались в глубоком кризисе. Высокотехнологические производства утрачены. Традиционные торговые, научные и культурные связи с Россией разорваны. Практически потеряна и государственная независимость” . . .

“Наверное, можно жить и так. И всё же интеграция с Россией, обладающей несметными природными ресурсами и бескрайними жизненными пространствами, для Украины была бы более приемлемой альтернативой. При умной кооперации страна могла бы стать фактическим пайщиком всех этих богатств. . .”

О поставленной самой нашей жизнью проблеме – “украинском вопросе” как злобе дня российского и русского будущего – “слишком” много сказать нельзя. Вот и Толочко – повторяет, чтобы убедить.

Для самых терпеливых – вот это политологическое, историософское рассуждение добросовестного учёного и честного человека.

“Развитие всегда носило экспансионистский характер, причём не только военно-политический, но и духовно-культурный. Оно больше похоже на монолог, а если и напоминает диалог, то отнюдь не равноправный, а зачастую и не мирный. Формирование культурной, или цивилизационной, общности – это всегда сложный и противоречивый процесс, сопряжённый с приобретениями и потерями. В истории редко удавался естественный синтез многих культур, чаще всего это насильственное распространение в определённом регионе одной культурной традиции, в “плавильном котле” которой сгорали другие. . .”

Да, можно всю жизнь оспаривать якобы утраченное. Ведь именно в случае российской экспансии на бывшей территории Речи Посполитой – то есть в ходе возвращения России к себе, было “утрачено” кое-что из шляхетского и католического наследия, кое-что из вольностей, разрушающих саму Украину изнутри. Были “утрачены”, по существу, Руина и казачье-шляхетский, а то и махновский беспредел. Но разве это утрата для сколько-нибудь развитого государства, для сколько-нибудь зрелого народа, претендующего на звание “нация”? И не дороже ли приобретения от совместного житья и строительства, если, по-взрослому, взять и утереть свидомые сопли?

“Если говорить о цивилизационных обретениях, то необходимо признать, что именно имперский путь развития обеспечивал человечеству максимальный прогресс. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о таких имперских (и цивилизационных) символах Нового времени, как Лувр, Эрмитаж, дворцовые и храмовые комплексы Санкт-Петербурга, Парижа, Вены, Будапешта, Лондона и др. В каждом из них воплощены высшие мировые достижения архитектуры и искусства”.

Думаю, можно сказать больше: современный Киев, все украинские монастыри-лавры, которые великолепны и строены русскими царями, все четыре (включая Донецк и за вычетом Киева и Львова) украинских мегаполиса – всё это имперское наследие Украины.

Не эта ли правда слишком очевидна, слишком бьёт в глаза, чтобы относиться к ней без истерики?

Толочко завершает свою книгу следующим рассуждением: “Такое впечатление, что, получив независимость слишком поздно, когда она уже пережила свою классическую форму, мы никак не можем разумно распорядиться этим даром. Мир уже стал глобальным, а мы, украинцы, остались в эпохе этнонационального романтизма. Вместо того чтобы засучив рукава взяться за реализацию фундаментальной задачи – построение современного конкурентоспособного государства, занялись проблемами собственной идентификации, отличности от русских, предались воспоминаниям о былом величии, принялись создавать абсолютно нереалистические мифы. Собственно, занялись тем, что народы цивилизованной Европы прошли ещё в первой половине XIX века. При этом так и не определились, что для нас должно быть главным, что – второстепенным, а что – и вовсе не стоящим того, чтобы тратить на это силы”.

Картина в целом получается печальная. Если вдуматься – страшная картина. Толочко живёт в Киеве. И насколько его взгляд патриота Украины совпадает с возможным мнением и пониманием “украинского вопроса” всяким читающим и доблорасположенным к Украине и украинцам россиянином. . .

Всем нам надо помнить (и я уверен, Пётр Петрович Толочко здесь со мной согласился бы), что если конфликты зажигают, значит, это кому-то нужно.

Если падают снаряды в сёлах Донбасса – падают они не только в сёлах Донбасса, а в Русском мире.

Кто-то очень не хочет нашего единства.

А нам бы лучше посчитать не исторические шрамы и этнические различия, не выяснять, кто кого и чем хуже. Нам бы наоборот сделать. Посчитать кто кого и чем лучше. Понимаете? Посчитаться не худым, а лучшим, чем Россия дополняет Украину, чем Украина дополняет Россию.

Может быть, начинать нам придётся именно с этого.

2020
г. Белгород